

ТАТЬЯНА ПЕТУХОВА

КАЛЕЙДОСКОП ДЕТСТВА

(Главы из повести)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В детстве у меня была игрушка с трудно произносимым для ребенка названием «калейдоскоп». Я помню ощущение неизбывного восторга, когда брала в руки волшебную трубу, подносила к лицу, один глаз прищуривала, а вторым наблюдала настоящее чудо: разноцветные стеклышки складывались в необыкновенные узоры, яркие, похожие то на рисунок ковра-самолета, на котором в сказках летали волшебные герои, то на солнечную поляну, то на расцвеченный небывалыми цветами летний луг. Наблюдать эти превращения было так здорово, что дух захватывало! Но все время мучил детский каверзный вопрос: «А что там внутри? Как получается это великолепие?» Пробраться внутрь чудесной игрушки не было никакой возможности, а разбить ее ради удовлетворения простого любопытства не поднималась рука. Так и жил калейдоскоп среди моих любимых кукол, зайчиков и мишек, пока по неосторожности ли, по какой ли другой причине не разбился сам. Горю моему не было предела: во-первых, теперь волшебные ковры-самолеты и сказочные луга превратились просто в горку разноцветных стеклышек, а во-вторых, стеклышки были так малы, что совершенно ни на что не годились, даже для того, чтобы сделать секретки и закопать под них фантик от какой-нибудь невиданной конфеты, привезенной знакомыми или родственниками из поездки в Москву. Утешали лишь несколько прямоугольных зеркальных полосок, чудесным образом уцелевших от утраченного чуда. В них потом долго смотрелись мои куклы, когда я принаряжала их в разноцветные лоскутки, оставшиеся от сшитых мне платьев.

Вот на такой волшебный калейдоскоп и похожи мои воспоминания о детстве. Это, скорее, не воспоминания-мысли, а воспоминания-ощущения цвета, эмоций, запахов. Это мои разноцветные стеклышки, которыми я очень дорожу. Вынимаю одно за другим, прищуриваюсь и... Вот оно, далекое и близкое Детство. Удастся ли мне снова посмотреть в мой заветный калейдоскоп?

ГЛАВА 1

С какого возраста помнит себя маленький человек? Я — лет с трех. Смотрю на желто-зеленый мир, наполненный солнечным светом. Эта насыщенная золотая желтизна заливаает все вокруг, течет по лесной поляне волной душистых медовых одуванчиков. Мама плетет из маленьких солнышек венки и надевает его мне: «Красавица!» Папа смеется. Он большой и сильный. Поднимает меня высоко. Сейчас полечу! Я выше папы! Выше всех! Хватаю ладошками теплый, пахнущий небом, травой, одуванчиками, молодой листвой воздух. Заливаюсь смехом. Папа улыбается. Прядь его черных, еще не поседевших волос падает на лоб, резким движением головы он откидывает ее — руки заняты мною: «Ура! Ты летишь, Танюшка!» И тут же неожиданно для меня опускает руки вниз.

— Вж-ж-ж! Приземляемся!

Аэродром-пенек. Он прохладный и мягкий от мха, сидеть на нем и удобно, и страшно одновременно. Пенек в тени или солнце куда-то скрылось? Становится страшно и одиноко. Как мгновенны в детстве переходы от одной эмоции к другой! Собираюсь заплакать. Папа присаживается рядом на корточках. Черная прядка опять упала на лоб.

— Страшно? А вот тебе подруга, — протягивает мне большую красивую куклу.

Как выглядела эта мечта любой девочки, я не помню. Запомнилось только ощущение радости, даже дух захватило, а потом такое же сильное ощущение горя от первой в моей жизни потери. То ли кукла была забыта у пенька-аэродрома, то ли так и осталась сидеть где-нибудь в одуванчиковой поляне, но домой мы вернулись без нее. Я так горько плакала, что папа даже бегал в лес, но ее, красавицы с шелковистыми волосами (до сих пор чувствую их гладкость подушечками пальцев), так и не нашел.

Воспоминания сливаются, как акварельные краски в стакане с водой, одно наплывает на другое, слышатся звуки, переживаются давно забытые чувства, но так остро, как будто это было вчера, а картинки не видно. Наверное, стоит поднапрячься, прищурить глаза, сосредоточиться, внимательнее взглядеться в маленькое окошечко, за которым волшебный калейдоскопный мир и...

ГЛАВА 2

Фиолетовый вечер. Сумерки. Воздух похож на воду, подбеленную молоком. Холодно. Я, закутанная в бабушкин колючий вязаный платок, иду по улице, держась за мамину руку. Мы идем в баню. У бабушки — квартира с удобствами, в ней есть титан, который очень уютно гудит, нагревая воздух в ванной, дедушка кормит его поленьями, принесенными из сарая, есть сама ванна, есть даже душ, которого почему-то я боюсь так, что визжу, переходя на безутешный плач, когда меня пытаются под ним ополоснуть. Не это ли причина наших, теперь уже ставших традиционными, походов в баню? Или дело в извечном глубоко заложенном в русском человеке стремлении к чистоте телесной? Чистоте до хруста, до сморщенных подушечек пальцев после парилки, до долго еще остающегося в одежде запаха веников, мыла? Ведь недаром в каждом захудалом деревенском дворе есть своя банька! Истопить ее, пойти в нее, когда пар настоится, похлестаться заготовленными загодя вениками, испить после баньки маленькими глоточками холодного кваску, такого, что зубы ломит, — это целая история и ритуал. У моей деревенской бабушки тоже есть баня, но об этом потом. Я стараюсь не расплескать воспоминания, перекаत्याю их в памяти, как будто перекаत्याю во рту от щеки к щеке, прежде чем проглотить, обжигаяще холодный бабушки Дунин квас. Сейчас мы с мамой шагаем в самую лучшую городскую баню №1.

Чтобы шаль не натерла подбородок и полузакрытый нос, мне подложили жесткий накрахмаленный носовой платок. Он пахнет морозом и так здорово шуршит, что, несмотря на неприятно саднящий нос, мне становится весело.

— Хи-хи-хи, — тихонько хихикаю я, — мама, а почему все говорят друг другу после бани: «С легким паром»? Пар, он легкий, да? А почему он с нами не улетает? Он там, в бане, остается, да?

Мама держит в одной руке сумку с бельем и полотенцами, в другой — моя пушистая варежка:

— Не отставай, замерзнешь!

Она очень волнуется, как бы не простыла дочка, в такие морозы в баню мало, кто ходит, но мама выбрала именно этот день, потому что в остальные она занята. Она — учительница, и работы дома у нее много: проверка тетрадей, планы, подготовка к урокам.

Приходит она поздно и часто рассказывает про своих учеников. Например, я знаю, какой драчун мальчишка по фамилии Заплаткин, как хорошо учится девочка Люда, какие сложности в семье Али Неверовой.

Всех этих ребят я знаю, потому что не раз была у мамы в школе. Сидела у нее на уроках, рисовала мелом на доске.

Я вспоминаю большой зал, куда выходили двери классных кабинетов, учительскую с диваном и жесткими валиками, высокого красивого седого дядю-директора.

А еще (зябко повожу плечами) вспоминается узкая крутая лестница в подвал, там находилась школьная столовая, туда водила меня мама, чтобы угостить сладким чаем с булкой. Удовольствия я не испытывала никакого, идти по темной лестнице было страшно. Подвальное помещение было гулким, особенно если во время урока там не было детей, а во время перемены, наполняясь детским гомоном и стуком тарелок, ложек, стаканов, не становилось привлекательней, а для меня, малышки, по-прежнему казалось зловещим. Может, оттуда, из далекого детства, пришла в мою взрослую жизнь нелюбовь ко всему ненастоящему: электрическому свету (до глубоких сумерек стараюсь сохранить в комнате свет из окна, не включаю электричество), низким потолкам, тесным помещениям?

Как причудливо все переплетается в нашей жизни! Истоки многих наших поступков надо искать в далеком детстве, в наших первых, но ярких впечатлениях, которые нет-нет да и вырвутся неожиданно в нашу взрослую жизнь сильной эмоцией, волной воспоминаний о цвете, запахе, свете, звуке.

Идти недалеко, и вот мы уже входим в вестибюль, где на нас волной накатывает особый банный дух: тепло-влажный, пахнущий березой, мятой, ромашкой, земляникой, — воздух тут во всем и везде. Отдаем верхнюю одежду маленькой сухонькой старушке-гардеробщице и получаем ключик от шкафчика.

Сама баня помнится мне смутно: клубы пара от окачиваемых кипятком каменных лавок, громкие, эхом отдающиеся в высоких сводах голоса, смех, большие пенные реки, текущие по полу, раскрасневшиеся лица, улыбки (Потрите спинку, пожалуйста!) — это весело и интересно.

Мама, стройная и гибкая, со сверкающими золотом волосами, распущенная коса ниже пояса, берет из горки одинаковых блестящих тазов один.

— Я сейчас воды наберу. Стой здесь, — ставит меня около свободной лавки.

Я кладу руку на теплый гладкий камень. Он влажным блеском отсвечивает в тусклом свете окутанных паром банных ламп. Глажу, провожу по светлым прожилкам рукой, переполняет чувство покоя и ленивой усталости. Как хорошо! Нет спешки, нет суеты, нет ничего, кроме запаха чистоты, лета, ощущения сонной расслабленности.

Возвращается мама
— Отойди, а то обварю!

С сожалением отрываю руку от каменной поверхности. Плюх! На лавку выливается тазик кипятка. Потом мама расстелет на еще горячее сиденье пеленку, усадит меня, и начнется банный ритуал.

Мыло щиплет глаза, я начинаю капризничать, вода из тазика не помогает: она тоже мыльная. Мама берет меня за руку и, как поводырь слепого, ведет к крану. Он — солидный медный короткий рожок, чуть позеленевший от постоянной влажности, выдает нам струю холоднящей чистой воды. Я промываю глаза.

— Мама, а можно я попробую?
— Что?
— Воду переключать!
— Ну, попробуй, только ноги береги!

Берусь за скользкую белую фарфоровую ручку-переключатель. Она прохладная, приятная на ощупь, но поворачивается тяжело. Мне, ребенку, не по силам. С маминной помощью набираем таз. Я помогаю маме его донести, вернее, считается, что помогаю, просто держусь за блестящий металлический край. Осторожно переступая по скользкому плиточному полу, добираемся до своей лавки. Ставим на нее свою ношу.

— А теперь пойдём!
— Куда?
— В парилку!

Соглашаюсь с радостью, думаю, что именно там происходит все самое интересное.

Дверь туда тяжело ухает, сопровождая каждый свой вздох облаком вырывающегося пара. Ух! Бух! Ух! Бух! Она выпускает из наполненного горячим пульсирующим воздухом разгоряченных, смеющихся женщин и выпускает нас, еще бледных, несмелых, неправильно мывшихся и как будто от этого виноватых.

На полках — красавицы, таких живописных женщин я не видела больше никогда и нигде, сидят, хлещутся березовыми вениками, иногда с придыханием приговаривая: «Ух, хорошо!»

Пристраиваемся невысоко, на одной из нижних полок. Выше лезть я боюсь. Кожа покрывается мурашками. Холодно? Нет! Жарко! Горячо! Вдыхаю обжигающий воздух, тело покрывается бисеринками пота. Становится легко и весело. Чувствуется, что мы вместе со всеми, включены в какое-то общее таинство, мы тут все заодно. От ближайшей соседки, помахивающей веником, долетают теплые капельки, пахнущие березовой листвой, колышется, накапывая, горячая влага. Плещется паровое марево.

— Ну, что, пропарилась? — как будто издалека доносится мамин голос.

— А веничком? — смеется кто-то.

— Она еще маленькая, — берет меня за руку мама.

Выходим из парилки. Ух! Бух! Это дверь. Мне кажется, отпускает она нас с сожалением.

Дальнейший процесс помывки я помню плохо. Хочется спать, лень передвигать ногами, поднять руки. Взбадривает только прохладная вода, вылитая на меня мамой. Все! Идем к шкафчику с одеждой.

Одетые во все чистое, закутанные, выходим на морозную улицу. Высовываю нос, освобождая его от жесткого платка. Зимний воздух пахнет арбузом! Его можно вдыхать кусочками, раз-ой, арбузик! Два — еще один!

— Ты что там пыхтишь? — спрашивает мама, — сейчас же спрячь нос!

Послушно зарываюсь в шаль. Поднимаю голову к небу. А там! Чернота, кое-где пробитая блестящими дырочками звездочек, кажется бесконечной. Узор, сложенный из сверкающих точек, оживленный редко падающими снежинками, похож на картинку в моем калейдоскопе. Вспоминаю о своей игрушке и понимаю, что сегодня был длинный день. Хочу домой.

К чаю с малиновым вареньем и теплой кровати мы добираемся уже совсем поздно, когда из-за света уличных фонарей уже не видно бездонного неба, оно как будто опустилось и низко висит над снежной землей.

— С легким паром! — встречает нас улыбающийся папа.

У меня уже нет сил, выяснять, куда девается этот самый легкий пар. Глаза слипаются. Спать. Кладу рядом с собой калейдоскоп и засыпаю.

ГЛАВА 3

Над землей низко висят тучи. Кажется, почва, мостовая не могут впитать столько влаги, сколько пролилось за последние дни, но дождь все идет и идет. Бесстрастно строчит холодным пунктиром, стучит по карнизу, обманчиво прекращаясь на несколько минут, и опять продолжает свою нудную музыку.

Гулять нельзя. Книжки у бабушки я уже все пересмотрела, раскраски пораскрашивала, даже пошила моей тряпичной кукле Нюре новое платье, но настроение, под стать погоде, — кислое, поэтому ни одно дело не довела до конца. Лежит на столе книжка-раскраска. Бабочка на раскрытой странице с наполовину заштрихованным крылышком так и не взлетела на цветок, только обведенный контуром, Нюра сидит на стуле — ее по-летнему яркая юбка валяется рядом, а моя любимая книжка «Живые страницы» даже не добралась до серванта — лежит рядом.

Сажу на подоконнике и смотрю на улицу, залитую потоками воды, на прохожих в прозрачных дождевиках и под черными зонтами. Уныло. Все происходящее за стеклом похоже на телевизор, по нему я смотрю скучное кино в серо-черном цвете под шелест дождя. Просто у чудо-аппарата сломался звук, и он издает надоедливое шипение.

Когда же придет мама?!

Всматриваю ее среди однообразных бесформенных фигур, вспоминаю, что у нее сегодня педсовет, папа тоже задержится на работе, значит, я у бабушки надолго... Нет, в этом доме, где всегда пахнет блинами или моими любимыми пельменями, я люблю оставаться, но сегодня... хочется капризничать, плакать, на глаза наворачиваются слезы...

Вдруг — звонок. Это Шура, моя тетья, мамина сестра. Она младше мамы, но очень на нее похожа. Такая же белокурая, тоненькая, только, в отличие от своей старшей сестры, очень смешливая. Она приносит в квартиру влажный запах улицы, множество капелек на дождевике, которые, как живые, скатываются вниз, стоит ей пошевелиться.

— Пойдем за золотыми шарами! — говорит она, и дождевые капли от радости соскакивают на без того уже мокрый пол.

— На улице до-о-ждь, — протяжно всхлипываю я и чувствую, как глаза наполняются так и не пролившимися в этот день слезами.

— Ну и что?! Знаешь, как здорово шлепать по лужам? — она пытается заразить меня своим восторгом.

— Сы-ы-ы-ро... — упорствую я, но уже готова сдаться.

— Надевай сапоги! Быстрее!

Под причитания бабушки мы вылетаем на улицу.

А тут... Из окна дождь казался скучным и надоедливым, прохожие — суровыми и хмурыми, мир — черно-серым, а здесь кажется, что улица взрывается от упругих струй, которые закипают в лужах, обрызгивают ноги прохожих, бурлят потоками под колесами автобусов и машин. Под прозрачными дождевиками — скрытые, словно в утренней дымке, веселые платья и косынки, слышны разговоры, смех! Как жаль, что я целый день сидела перед окном-телевизором и не утащила бабушку гулять! О желании заплакать я больше не вспоминаю, теперь хочется бороздить глубокие лужи, как корабль бороздит просторы морей. Подбегаю к одной, которая кажется мне самой глубокой, примериваюсь...

— Бегом, за шарами! — кричит Шура.

Тут только вспоминаю цель нашего дождливого путешествия. Шары? Золотые? Я ведь даже не спросила, что это такое!

— Шура, Шура! А что такое «золотые шары»?

— Пока не скажу! Скоро увидишь!

— А они умеют летать? Как мы их отпустим под дождем? Они не промокнут? Взлетят?

— Подожди, не торопись с вопросами. Любопытной Варваре...

— Знаю, знаю... Нос оторвали, — еле поспеваю я за тетей.

Мы, взявшись за руки, бодро шлепаем по лужам. В прозрачном плаще с капюшоном я как в домике, на крыше которого весело подпрыгивают крупные водяные шарики: кап! Кап! Кап-кап!!! Но я чувствую себя защищенной: во-первых, я не одна, а во-вторых, все вокруг теперь кажется таким сказочным, волшебным, цветным, вот и дождь не серый, а сиреневый, так, по крайней мере, кажется, когда я поднимаю глаза к небу и смотрю через ткань капюшона вверх.

Наконец мы около какого-то старого дома. Шура говорит, что в этом доме мои родители жили, когда я была совсем маленькой. Смутно, очень смутно вспоминаю: обжигающе-морозный воздух двора, скрип салазок и берестяной их запах, треск поленьев в печи. Даже тротуары кажутся мне знакомыми. Вот здесь качается доска, а здесь через треснувшую половицу надо переступить побыстрее. Удивительные открытия преподносит память! Ведь я и ходить-то толком не умела, когда мы жили в этом стром доме, как я могу помнить де-

ревянные дворовые мостки? А рука тянется к ним, вспоминая шероховатость старых, исхоженных многими ногами досок.

Шура тянет меня за руку:

— Пойдем! Ты ведь хотела посмотреть шары!

Выбегаем из двора. Под окнами первого этажа, в палисаднике, за мокрым, позеленевшим от старости штакетником забора я вижу желтый взъерошенный остров. Он гнется под порывами ветра, клонится вниз от тяжести дождевых струй, но не сдается, поднимается на высоких стеблях, тянет к небу резные темно блестящие влагой руки-листья?

У меня перехватывает дыхание:

— Ничего себе, остров-шар!

— Беги сюда! — почему-то шепотом, еле слышно произносит Шура.

Боясь поскользнуться на мокром тротуаре, я неловко перебираю ногами.

— А почему шепотом? — подбегая по лужам, как на лыжах, спрашиваю я.

— Увидят — заругают! — она протягивает мне в щель между штакетинами жесткий стебель. — Рви!

И тут я вижу, что мой Золотой остров — это много-много одинаковых желтых цветов, и правда, похожих на шары. Они растут так густо, переплетаясь яркими соцветиями, что издали похожи на чью-то непричесанную непокорную голову или на жизнерадостный качающийся клоунский колпак.

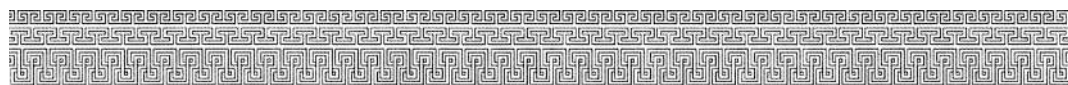
Вот так шары! Они и в самом деле как будто плавают в воздухе, держась на тонких, но жилистых стеблях. Я пробую сорвать один шар, освободить от удерживающих его пут. Может, он полетит? Растение не дается. Жесткий оств гнется, но не ломается. Меня обволакивает терпкий, похожий на лекарственный запах.

— Наверное, только так могут пахнуть эти цветы, — думаю я.

Почему эта мысль тогда пришла в мою детскую беззаботную голову? Не знаю. Но ощущение счастья от прогулки под дождем внезапно сменилось чувством доселе мне незнакомым. Я испытала горечь и тоску, как будто сочувствовала золотым шарам, мечтающим взлететь и не имеющим возможности это сделать. Запах этих цветов до сих пор ассоциируется у меня с детством, с той безумной прогулкой под дождем, с влажными досками забора, с лужами, с нечаянно обретенным восторгом.

Много лет спустя на вернисаже в Измайловском Кремле увидела я картину, которая так и называлась «Золотые шары». Художник продавал ее одну. Других работ у него не было. Стоило это полотно по тем временам безумно до-

рого. Уступать в цене автор не хотел. Вздохнув, я посмотрела на цветы своих детских воспоминаний и ушла, думая, что, если судьба, они меня дождутся. Среди многочисленных натюрмортов с сиренью, ландышами, дичью, пейзажей с золотой осенью в левитановской манере эти цветы на фоне бревенчатой стены деревенского дома смотрелись бедными непричесанными родственниками среди аристократов. Но именно своей безыскусностью, простотой, настоящестью, что ли, притягивали взгляд.

Прошел год. Я снова оказалась на вернисаже. Художник с картиной стоял на прежнем месте. Я заплатила ему требуемую сумму и принесла «Золотые шары» домой. Сразу ощутила запах детства, дождя, мокрых, пахнущих горечью цветов. С тех пор картина висит у нас в доме, хоть и не поняли меня мои домашние, ведь они не бегали за желтым чудом, не обрывали яростно жесткие мокрые стебли. А жаль.

